

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

АЛПАТОВ В. М.

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ АЙНСКОГО ЯЗЫКА

Современное языкознание характеризуется, с одной стороны, расширением описываемого материала и вовлечением в научный оборот все большего числа языков, с другой стороны, появлением различного рода теорий, стремящихся, в частности, более адекватно объяснить этот материал. Становится ясным, что европейская лингвистическая традиция во многих случаях в качестве общих, универсальных свойств языка рассматривала типологические особенности языков Европы. В частности, в области синтаксиса обычно абсолютизировались особенности так называемого номинативного (или аккузативного) языкового типа. «Некоторые концепты описательной грамматики номинативных языков (такие, как, например, залог, переходный // непереходный глагол, прямое // косвенное дополнение, именительный падеж) вплоть до последнего времени обнаруживают настораживающую тенденцию к превращению в едва ли не универсальные категории лингвистического описания» [1, с. 54]. Однако эти языки, распространенные и за пределами Европы, далеко не покрывают всего множества языков мира. Большой интерес вызывают поэтому те исследования, в которых производятся попытки выделения других языковых типов с их специфическими свойствами (работы Г. А. Климова, А. Е. Кибрика и др.). К числу этих типов относится и активный. В активных языках на первый план выходит не передача субъектно-объектных отношений, а выражение отношений, связанных с активностью-инактивностью процесса. Далее мы будем ориентироваться на описание активного строя, содержащееся в [1].

Обычно считается, что языки активного строя засвидетельствованы лишь в Америке. В языках других континентов, в частности, Азии, находят лишь отдельные признаки этого строя. На наш взгляд, определенный интерес представляет материал айнского языка, насколько нам известно, с точки зрения континентальной типологии еще не исследованного. Недостаточная изученность этого языка не дает пока возможности дать его исчерпывающую типологическую характеристику. Однако, на наш взгляд, в этом языке наряду с чертами профилирующего здесь номинативного строя выделяются многие признаки, считающиеся характерными чертами активного строя; типологическая принадлежность ряда явлений языка остается неясной. В этих условиях настоящая статья претендует не столько на решение этого вопроса, сколько на его постановку.

Бесписьменный айнский язык был распространен до недавнего времени в северной части Японии (о-в Хоккайдо и часть о-ва Хонсю), на юге Сахалина, Курильских о-вах и юге Камчатки. Родственные связи айнского языка не установлены (антропологически айны резко отличаются от окружающих их монголоидных народов и имеют сходство с австралоидами). В настоящее время язык вышел из употребления¹.

Ведущую роль в исследовании айнского языка играют японские ученые². Ими, в основном в 30—60-е годы XX в., был собран большой ма-

¹ В Японии осталось меньше десятка лиц старше 70 лет, которые помнят айнский язык, на котором говорили в молодости. На Сахалине группа сотрудников Института востоковедения АН СССР в 1978 г. не нашла носителей айнского языка; последний достоверно выявленный человек, владевший этим языком, умер за три года до этого.

² Обзор японских исследований в этой области до 60-х гг. см. [2].

териал по айнскому языку. Издание и описание этого материала продолжается до настоящего времени. Важный материал был собран и отечественными исследователями [3, 4]. Данные по айнскому языку, однако, неполны, часть диалектов осталась не записанной или представлена лишь лексическими материалами. Лучше всего изучены диалекты Южного Хоккайдо, в частности, диалект Сару, описанный в работах современной японской исследовательницы Тамура Судзуко, а также райчишкинский диалект, существовавший на Сахалине, и наддиалектный вариант языка, использовавшийся в эпосе. Дальнейшее описание основано на материале южнохоккайдоских диалектов; особенности райчишкинского диалекта и эпического варианта, если они есть, оговариваются.

Грамматика айнского языка характеризуется четким противопоставлением двух знаменательных частей речи: имени и глагола. Они различаются как синтаксическими свойствами, так и морфологически, имея разные системы аффиксов (см. ниже). Другие классы знаменательных слов четко не выражены: обычно выделяют немногочисленные классы демонстративов, употребляемые только атрибутивно, и наречий, однако границы этих классов не очень ясны. Прилагательные же, выделявшиеся в более ранних грамматиках, в современных работах не выделяются как особая часть речи; отмечается, что европейским прилагательным соответствуют непереходные (стативные) глаголы [см. 5]. Эта черта напоминает собой положение в языках активного строя.

Все исследователи айнского языка отмечают деление глаголов на два класса, которые принято называть переходными и непереходными³. Эти классы разграничиваются как валентностью, так и морфологическими свойствами: они по-разному присоединяют личные префиксы.

Система личных префиксов глагола очень специфична. Для переходных глаголов различаются субъектные и объектные префиксы. Это различие свойственно номинативным и эргативным языкам. Однако в этих языках, имеющих личное спряжение, обычно либо субъектные, либо объектные показатели переходного глагола совпадают с показателями непереходных глаголов. В айнском же языке непереходные глаголы имеют третью группу префиксов, полностью не совпадающую ни с одной из первых двух.

Три серии префиксов частично совпадают. В 3-м лице показатель всегда нулевой, что особенно характерно для активных языков⁴. Везде одинаковы показатели 2-го лица ед. числа 'e- и 2-го лица мн. числа 'esi-. Для 1-го лица ед. числа есть два показателя: *ki-* в непереходных глаголах и субъектный в переходных (совпадение, обычное для номинативных языков), *'en-* объектный в переходных глаголах. Все серии различны лишь в 1-м лице мн. числа, где разграничены инклюзив и эксклюзив (фреквенталия активных языков)⁵. Показатели инклюзива: субъектный в переходных глаголах *'a-*, объектный в переходных глаголах *'i-*, в непереходных глаголах *-'an*. Соответствующие показатели эксклюзива: *ci-*, *'un-*, *-'as*. Показатели *-'an* и *-'as* заметно отличаются от всех остальных: они постпозитивны и агглютинативны⁶, тогда как все остальные показатели являются фузионно присоединяемыми префиксами⁷. Все показатели инклю-

³ В качестве третьего класса выделяют безличные глаголы типа *te'an* «холодно». Эти глаголы немногочисленны. Они обозначают явления неживой природы. Такие глаголы не присоединяют личные префиксы.

⁴ В райчишкинском диалекте имеется особый показатель 3-го лица мн. числа *-hci*, единый во всех сериях [см. 6, с. 16]. Однако и там возможно нулевое выражение этого значения.

⁵ Это разграничение не общеайнское: его нет в райчишкинском [см. 6, с. 15—16], в эпическом айнском [см. 7, с. 66—67]. Показатели, соответствующие инклюзивным, здесь употребляются во всех случаях.

⁶ Обычно они считаются суффиксами. Вопрос о разграничении агглютинативных аффиксов и служебных слов в айнском языке сложен и требует особого рассмотрения.

⁷ Мы не будем останавливаться на сложных морфонологических правилах их присоединения. Они даны в [8].

жива имеют и другие функции: инклюзивные формы также являются показателями вежливого 2-го лица, показателями любого 1-го лица при передаче прямой речи и формами неопределенного лица (см. ниже). В переходных глаголах субъектный показатель находится впереди объектного, существуют сложные правила соединения двух префиксов, они в ряде случаев сливаются в один неразложимый префикс: например, значения «я тебя» передаются префиксом *'esi-* (правила слияния префиксов различны в разных диалектах). Подробно описание личных показателей айнского глагола см. в работе [8]⁸.

Семантически переходные глаголы (по крайней мере, непроизводные) обозначают действия людей или животных. Примеры: *koyki*⁹ «ловить», *'e* «есть», *kasuu* «помогать», *'otar* «ласкать», а также *ni* «слышать», *nikar* «видеть», *rati* «думать» (аффективные глаголы не обнаруживают каких-либо заметных особенностей). Непереходные глаголы обозначают состояния, признаки, качества и некоторые действия людей, животных и неодушевленных предметов. Примеры: *mina* «смеяться», *cis* «плакать», *'iruska* «сердиться», *rewre* «быть молодым», *poro* «быть большим», *'arpa*, *paye* «идти».

Главное различие между глаголами данных двух классов связано с их валентностью: непереходные глаголы одновалентны, переходные не менее чем двухвалентны (двухвалентные и трехвалентные глаголы присоединяют личные префиксы одинаково, но могут различаться своей структурой, см. ниже). Данные Тамура Судзую и других исследователей показывают, что корреляция спряжения и валентности глаголов является очень жесткой¹⁰. Следовательно, обычная характеристика данных глаголов как переходных и непереходных вполне верна (хотя объектный член предложения отличается от прямого дополнения в индоевропейских языках, см. ниже). Таким образом, в айнском языке, зафиксированном в текстах и грамматиках XX в., главным, вероятно, является выражение субъектно-объектных отношений. Следовательно, это язык в основном номинативного строя. Но различия глаголов двух классов имеют и определенную корреляцию с основным для активного строя различием активных и стативных глаголов и генетически, возможно, восходят к нему.

Однако глагольное управление имеет и некоторые черты, свойственные скорее языкам активного строя. Как и в активных языках, здесь отсутствует категория залога¹¹; в то же время имеются разнообразные способы разграничения действий (состояний), выходящих за пределы активного актанта, и действий (состояний), замкнутых в актанте. Эти способы рассматриваются как характерное свойство активных языков. В то же время в айнском языке они тесно связаны с валентностью глагола. Подробное описание данных глагольных категорий представлено в [9].

Почти любой глагол айнского языка может присоединять показатели, меняющие валентность и одновременно семантическую характеристику глагола в указанном выше плане. Присоединение многих показателей достаточно регулярно, однако вопрос о том, следует их считать словоизменительными или словообразовательными, требует дополнительных исследований. Префиксы *'e-*, *ko-* указывают на то, что данное действие или состояние распространяется еще на одного участника; присоединяясь к основам непереходных глаголов, они делают их синтаксически и морфологически переходными; присоединяясь к основам переходных глаголов, они не из-

⁸ В эпическом айнском показателях, соответствующие южнохоккайдским инклюзивным, обозначают любое 1-е лицо.

⁹ Айнские глаголы даются в форме основы.

¹⁰ Конечно, надо при этом учитывать широкие возможности эллипсиса члена предложения, обозначенного личным местоимением.

¹¹ В более старых работах говорилось о пассиве в айнском языке [см. 7, с. 68]. Но в позднейших работах такие конструкции рассматриваются как неопределенно-личные [см. 10, с. 34—35]. В этих случаях глагол имеет показатель *'a-* или *'an* в зависимости от переходности, субъектный член предложения не обозначен; подразумевается неопределенный или неизвестный субъект: *kumina'an* «надо мной смеются».

меняют морфологических свойств глагола, но также увеличивают его валентность: *wep* «быть плохим» (непереходный глагол), *kowep* «быть плохим (для кого-л.)», не нравиться (кому-л.)» (переходный глагол), *'ikka* «быть вором, заниматься воровством» (непереходный глагол), *'e'ikka* «украсть что-л.» (переходный глагол), *ko'e'ikka* «украсть что-л. у кого-л.» (переходный трехвалентный глагол). Теми же свойствами обладает и суф. *-re*, но он дополнительно имеет каузативное значение. Преф. *'i-*, наоборот, понижает валентность глагола, превращая переходные глаголы в синтаксически и морфологически непереходные; он указывает на замыкание данного действия в себе: *niue* «резать что-л.» (переходный глагол), *'iniue* «заниматься резанием» (непереходный глагол). Преф. *ya-*, также понижающий валентность, имеет значение возвратности. Суф. *-uar* имеет значение каузации неопределенного множества лиц, которое не обозначается; в отличие от других аффиксов он не меняет валентности глагола, ср. *kuuere* «позволяю говорить» (переходный глагол) и *kuueuar* «позволяю говорить кому-л.» (непереходный глагол).

Черты активного строя проявляются и в семантике актантных членов предложения. Второй актантный член при переходных глаголах может обозначать самых разнообразных участников ситуации (ср. примеры выше), по своей семантике он шире, чем обычно прямое дополнение в номинативных языках; он имеет явное сходство с так называемым ближайшим дополнением активных языков.

Черты активного строя в айнском языке заметны и в системе имени. Отсутствует категория падежа, субъектно-объектные отношения морфологически не выражаются. Актантные члены предложения различаются только порядком: первый актантный член (подлежащее) является первым по порядку, а второй актантный член (ближайшее дополнение) — обычно последним (сказуемое всегда находится на конце предложения). В то же время локативные и инструментальные значения выражаются специальными послелогами. Вся эта картина напоминает соответствующие признаки активных языков. Как и в активных языках, мало развита категория числа. Имеется постпозитивный показатель (видимо, служебное слово) множественности *'utar*, присоединяемый только к одушевленным именам. Однако и он употребляется довольно редко ¹². Основной морфологической категорией имени является категория притяжательности, что тоже свойственно активным языкам ¹³.

Коротко отметим и еще некоторые особенности айнского языка, соответствующие тем признакам, которые отмечаются как распространенные в активных языках. Некоторые глаголы в своем лексическом значении выражают единичность или множественность того или иного актанта, причем для непереходных глаголов — это будет единичность или множественность первого актанта, а для переходных — единичность или множественность второго (объектного) актанта: *'an* «есть», *'oka* «суть», *'arpa* «идет», *paue* «идут», *'ek* «приходит», *'arki* «приходят», *'as* «стоит», *roski* «стоят», *raiike* «убивает (одного)», *ronni* «убивает (многих)». Подобно активным языкам, в айнском отсутствует категория времени, в то же время выражаются разнообразные видовые значения, в основном с помощью вспомогательных глаголов, часть которых также различает число актантов; см. описание этих значений [11, с. 347—352]. Отсутствует инфинитив. При распространенности способов образования отглагольных имен они обозначают только участников соответствующей ситуации, но не сами ситуации [см. 7, с. 48—51]; имена действия в чистом виде айнскому языку не свойственны.

¹² В райчишкинском диалекте имеется также суф. множественности лиц и животных *-hcin*: *kusetahahcin* «мои собаки», присоединяемый лишь к притяжательным формам [см. 6, с. 27]; ср. глагольное *-hci*.

¹³ Имя имеет форму основы и суффиксально образуемую притяжательную форму. К имени в притяжательной форме присоединяются префиксы лица и числа обладателя, совпадающие с субъектными префиксами переходных глаголов: *seta* «собака», *setaha* «его собака», *kusetaha* «моя собака», *tek* «рука», *tekehe* «его рука», *kutekehe* «моя рука».

Довольно распространены в айнском языке и инкорпоративные комплексы, также характерные для активных языков: *'api* «огонь», *'ari* «разжигать», *'api 'ari* «разжигать огонь», *he* «голова», *'usi* «прикреплять что-л. к чему-л.», *he'usi* «надевать что-л. на голову», *kewe* «тело», *ri* «быть высоким», *keweri* «быть высокого роста». Глагол может сливаться с именем, на которое распространяется его валентность, в этом случае валентность понижается (первый и второй примеры), и он может, в частности, превратиться в непереходный (первый пример); но возможно и слияние глагола с именем, на которое его валентность не направлена, в этом случае валентность глагола не меняется (третий пример).

Однако некоторые характеристики, отмечаемых для активных языков, отсутствуют в айнском. Нет, по крайней мере, явных признаков столь частого для активных языков противопоставления отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, ср. примеры выше (примеч. 13). Для активных языков отмечаются отсутствие связки и глаголов со значением «иметь». Между тем в айнском есть связка *ne*, которая морфологически относится к переходным глаголам: *'a' an 'okkauro 'eroho ne* «Этот мужчина — твой сын»; есть и глагол *kor* «иметь». Последний глагол образует широко распространенную в айнском языке притяжательную конструкцию, где обладаемое обозначено именем в форме основы, а перед ним стоит *kor* с тем или иным личным префиксом: в значении «моя собака» помимо *kusetaha* употреблялось *kukor seta* (букв. я-имею собака). По данным японских исследователей, вторая форма — инновация, постепенно вытеснявшая первую.

Таким образом, айнский язык, видимо, характеризуется сочетанием черт, характерных для номинативного и активного строя; можно высказать гипотезу о том, что он развивался от активного строя к номинативному. Эта гипотеза могла бы подтвердиться, если бы мы имели данные об историческом развитии этого языка. К сожалению, мы пока не имеем данных о том, что в айнском языке из явлений, перечисленных выше, можно относить к архаизмам, а что к инновациям (исключая два класса притяжательных форм, см. выше). Можно предполагать, что эпический айнский отражает раннее языковое состояние, однако по большинству признаков он сходен с южнохоккайдскими диалектами.

Надо учитывать, что основные данные по айнскому языку относятся к последним десятилетиям его существования, когда он уже длительное время находился под влиянием японского языка, номинативного по своему строю. Впрочем, трудно судить о степени этого влияния. Сахалинские диалекты, позже подвергшиеся японскому влиянию, имеют в основном те же черты, а по двум параметрам: отсутствию инклюзива-эксклюзива и большему развитию категории числа — отстоят даже дальше от активного эталона.

Можно предположить, что в айнском языке существовало противопоставление активных и стативных глаголов, главное для языков активного строя. Однако в XX в. оно преобразовалось в характерное для номинативных языков противопоставление переходных и непереходных глаголов. Тем самым айнский язык в основе своей, видимо, номинативен. В то же время количество явлений самого различного порядка, характерных для активных языков (хотя в несистемном наборе встречающихся и за их пределами), настолько велико, что их сосуществование в айнском языке вряд ли можно считать случайным. Наряду с тем некоторые особенности айнского языка не характерны ни для номинативных, ни для активных (а также для эргативных) языков. Прежде всего обращает на себя внимание наличие не двух, как обычно, а трех серий личных показателей: двух серий для переходных глаголов и особой серии для непереходных глаголов. Эта особенность, возможно, тоже свидетельствует о переходном характере строя айнского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
2. *Tamura S.* Studies of the Ainu language.— In: Current trends in linguistics. Ed. by Sebeok Th. A. V. 2. The Hague — London, 1967.
3. *Добролюбовский М. М.* Айнско-русский словарь. Казань, 1875.
4. *Невский Н. А.* Айнский фольклор. М., 1972.
5. *Хаттори Сиро:* Айнуго-но «ацу», «ататака», «цумэта», «саму»-надо-о аравасу «кэйё:си» («Прилагательные» айнского языка со значениями «горячий», «теплый», «прохладный», «холодный» и т. д.).— Киндаити-хакаса-бэйдзю-кинэн-ронсю: (Сборник к 88-летию профессора Киндаити). Токио, 1971, с. 820.
6. *Murasaki K.* Sakhalin Ainu (Asian and African grammatical manual, No. 11z).— Asia Africa gengo bunka kenkyu:zyo. Tokyo gaikokugo daigaku, 1978.
7. *Киндаити Кё:сукэ, Тири Масихо.* Айнугохо:гайсэцу (Очерк грамматики айнского языка). Токио, 1936.
8. *Tamura S.* Personal affixes in the Saru dialect of Ainu.— In: Studies in general and oriental linguistics. Ed. by Jakobson R. and Kawamoto S. Tokyo, 1970.
9. *Фукуда (Тамура) Судзюко.* Айнуго-но до:си-но ко:дзо: (Структура глагола айнского языка).— Гэнго-кэнкю:, 1956, № 30.
10. *Тамура Судзюко.* Айнуго-сару-хо:гэн-но нинсё-но сю:руй (Классы лиц в диалекте Сару айнского языка).— Гэнго-кэнкю:, 1972, № 61.
11. *Фукуда (Тамура) Судзюко.* Айнуго-сару-хо: гэн-но дзёдо:си (Частицы диалекта Сару айнского языка).— Миндзокутаку-кэнкю:, 1960, т. 24, № 4.